

УДК 821.161

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-145-151

ОМАР ХАЙЯМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (РОМАН ВАРДВАН ВАРЖАПЕТЯНА «ЗАПАХ ШИПОВНИКА»)

© Ринат Бекметов

OMAR KHAYYAM IN RUSSIAN LITERARY INTERPRETATION (VARDVAN VARZHAPETYAN'S NOVEL "THE SMELL OF A WILD ROSE")

Rinat Bekmetov

The article analyzes Vardvan Varzhapetyan's (born in 1941) novel "The Smell of a Wild Rose" (1974–1978), a biographical narrative about Omar Khayyam, the medieval Persian thinker, mathematician and poet. The novel is part of a trilogy about writers from different national cultures and historical eras: in addition to O. Khayyam, V. Varzhapetyan artistically recreated the images of Li Bai ("The Traveler with a Candle", 1981–1984) and Francois Villon ("The Ballad of Fate", 1978–1981). There are practically no literary works studying the named text (as, indeed, the entire trilogy). This determines the scientific novelty of the article. It clarifies the genre nature of V. Varzhapetyan's work and traces the mechanisms of O. Khayyam's image embodiment through the ratio of documented factual and aesthetic (imaginary) elements; discusses the issues related to the ways of conveying the oriental flavor in the work ("oriental style" as a component of poetics); draws attention to its structural plan (a compositional ring as one of the techniques for coupling episodes and chapters). In the novel, O. Khayyam is not just a cheerful reveler, a regular of drinking establishments. He is a man with a subtle, receptive soul, suffering from the imperfections of the surrounding world, from the evil spread in it in the broadest sense of the word (ranging from ignorance and bad taste to the horrors of violence, murder and deception). It reflects the "Mozartian" context of a creative personality's fate: on the one hand, the ease of acceptance of being (hence the game motif of the Khayyam model of everyday behavior), on the other – the tragedy of the situation arising from the inability to fully realize good intentions, to purify the world from the filth of total recklessness. "The Smell of a Wild Rose" (the symbolism of the name is obvious) is the novel version of the universal "matrix" of human life as an eternal search for truth and beauty, set out on Iranian cultural material.

Keywords: Omar Khayyam, Vardvan Varzhapetyan, "The Smell of a Wild Rose", novel, genre modification, image system

Статья посвящена анализу романа Вардвана Варткесовича Варжапетяна (род. в 1941 году) «Запах шиповника» (1974–1978) – биографического повествования об Омаре Хайяме, средневековом персидском мыслителе, математике и поэте. Роман входит в состав трилогии о писателях разных национальных культур и исторических эпох: помимо О. Хайяма, В. Варжапетян художественно воссоздал образы Ли Бо («Путник со свечой», 1981–1984) и Франсуа Вийона («Баллада судьбы», 1978–1981). Литературоведческих работ, ставивших целью изучить названный текст (как, впрочем, и всю трилогию) практически нет. Этим определяется научная новизна статьи. В ней уточняется жанровая природа сочинения В. Варжапетяна, а также прослеживаются механизмы воплощения образа О. Хайяма через соотношение документально достоверной фактографии и эстетических (воображаемых) элементов; рассматриваются вопросы, связанные с передачей восточного колорита в произведении («ориентальный слог» как компонент поэтики); обращается внимание на его структурный план (композиционное кольцо как один из приемов сцепления эпизодов и глав). О. Хайям в романе – не просто жизнелюбивый гуляка, завсегдатай питейных заведений. Он еще и человек с тонкой, восприимчивой душой, страдающий от несовершенств окружающего мира, от разлитого в нем бесконечного зла в широком значении слова (в диапазоне от невежества и дурновкусия до ужасов насилия, убийств, обмана). В нем отражен «моцартовский» контекст судьбы творческой личности: с одной стороны, легкость приятия бытия (отсюда – игровой мотив хайямовской модели бытового поведения), с другой – трагизм ситуации от невозможности в полной мере реализовать благие замыслы, очистить ими мир от скверны тотального безрассудства. «Запах шиповника» (несомненна символичность названия) – изложенная на иранском культурном мате-

риале романная версия универсальной «матрицы» человеческой жизни как вечного поиска истины и красоты.

Ключевые слова: Омар Хайям, Вардван Варжапетян, «Запах шиповника», роман, жанровая модификация, образный строй

Для цитирования: Бекметов Б. Омар Хайям в русской литературной интерпретации (роман Вардвана Варжапетяна «Запах шиповника») // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 145–151. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-145-151

Имя Вардвана Варткесовича Варжапетяна нельзя отнести к числу широко известных, если за основу популярности брать количество филологических обращений к нему. Чтобы убедиться в этом, достаточно полистать разновременные подшивки библиографического журнала-указателя ИНИОН РАН либо задать имя автора в поисковике интернет-платформы «Киберленинка»: в обоих случаях придется констатировать, что названный писатель не является объектом рефлексивного внимания ученых. Между тем нельзя согласиться с подобным положением дел как минимум по двум причинам. Во-первых, Варжапетян – современный писатель с солидным стажем, и, во-вторых, что существеннее, написанные им тексты чрезвычайно интересны, поскольку созданы (скажем об этом без намека на высокопарную фальшь затверделых словесных формул) талантливой рукой, пронизательным умом и добрым сердцем – тремя базовыми элементами писательского мастерства.

Начнем с краткой биографической справки, систематизировав определенный материал, имеющийся в открытом интернет-доступе.

В. В. Варжапетян родился 21 сентября 1941 г. в Уфе – столице советской Башкирии (семья эвакуировалась туда, когда немцы подошли к окраинам Москвы; Варжапетяны жили в уфимском бараке подселенными к ревизору железнодорожных путей; в 1943 г. они с трудом вернулись домой, в Москву). Отец писателя¹ окончил Ереванский художественный техникум и мечтал, чтобы сын пошел по стопам родителя («отец хотел сделать из меня художника, как столяр Джузеппе – выстругать из полена мальчика», – вспоминал Варжапетян о ранних годах [1]). Однако ни желания, ни способностей к живописи у сына не было². В 1958 г. он окончил среднюю школу в

Москве и пошел служить в ряды Советской армии (ракетные войска за Уралом).

В конце 1960-х гг. Варжапетян поступил на заочное отделение факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова (завершил обучение в 1971 г.)³. Как А. И. Куприну, ему пришлось сменить множество профессий, прежде чем он определился с журналистской стезей. Послужной список Варжапетяна включал такие специальности, как столяр (после школы, не помышляя о дальнейшей учебе, трудился на обувной фабрике «Парижская коммуна»), «плотник, лаборант, экспедитор, охранник, почтальон, охотник, грузчик, рабочий сцены» [3, с. 4]. Будучи журналистом, он сотрудничал со столичными и провинциальными изданиями: «Литературная газета», «Огонек», «Литературная учеба», «Отчизна», «Тувинская правда» (жил в Кызыле, столице Тувы). В 1990-е гг. благодаря его усилиям выходил в свет армяно-еврейский вестник «Ной»⁴, в котором на русском языке печатались поэтические и драматические произведения, сочинения эпической формы, публицистика, афоризмы, интервью; в журнале публиковались и переводные тексты⁵.

этой непростой работы. Отметим попутно и то, что тема судьбы творческой личности, ее внутренних мук в поисках красоты и гармонии станет одной из ведущих в писательской деятельности Варжапетяна.

³ В частном разговоре с журналистом Ф. Деревянкиным Варжапетян характеризовал московское образование как «крайне низкое» («почти все по блату были там»). В Московском университете он учился два последних года, а по два предыдущих – на заочных отделениях факультетов журналистики Уральского и Казанского университетов [2]. Научным руководителем дипломной работы у Варжапетяна в Московском университете был Д. Э. Розенталь (1900–1994), автор популярных учебных пособий и словарей-справочников по орфографии и пунктуации русского литературного языка.

⁴ Всего в период с 1992 по 1997 гг. – ровно 20 номеров.

⁵ Контент этого издания, редакторская политика, связанная с отбором и размещением материалов, заслуживают отдельного исследовательского внимания, как часть истории отечественной литературно-художественной журналистики, факт далекой эпохи,

¹ Его жена, мать Варжапетяна, Анастасия Петровна, в девичестве Хохлова, – русская, неграмотная, родилась в деревне Медведино Рязанской области.

² Как это часто бывает, жизнь порой сводит человека с теми людьми, чью профессию он по-настоящему не сумел освоить: Варжапетяну судьба потом подарила огромное количество встреч с выдающимися мастерами армянского изобразительного искусства, точно давая возможность выразить в слове все своеобразие

Им была написана книга «Число бездны» – многостраничный фолиант, состоящий из цифр; каждая цифра обозначала погибшего в Холокост еврея или еврейки⁶. Первая прозаическая книга Варжапетяна «Баллада судьбы» вышла в издательстве «Советский писатель» в 1983 г. (она содержала два романа: «Запах шиповника», об О. Хайяме, и «Баллада судьбы», о Ф. Вийоне; при перепечатке этих произведений в 1987 г. в издательстве «Книга» к ним был добавлен роман о Ли Бо «Путник со свечой»; три романа в итоге образовали трилогию о людях творческого поиска). Первый сборник стихов «Поле» – в 2014 г. (серия «Библиотечка Союза писателей Москвы», «книжка-визитка», ее «удобно носить с собой, приятно дарить, легко читать» [3, с. 3], ср. «rocket-book»)⁷. Варжапетян – автор нового перевода Торы; занимался он переложением рубаи Хайяма [5]. Перу Варжапетяна принадлежат сочинения просветительского толка («Сад цветущих букв», об армянском алфавите [6]). Печатался он в журналах «Дружба народов» и «Знамя» (см. рассказ «Жизнь Найденова» [7] и «Книга сказок» [8], в

хотя бы на уровне обобщенной описательности; эта тема другой статьи.

⁶ Замысел этот родился при посещении в Израиле мемориального комплекса истории Холокоста «Яд ва-Шем». Важным был принцип, легший в основу издания, – показать, что за цифрой стоит уникальная человеческая жизнь, необычный духовный мир и что всякая числовая округленность, которой иногда грешат историки в силу рода научных штудий и которую повторяют вслед за ними обыватели, непозволительна, под абстрактным углом реальность страшно искажается...

⁷ Сборник в потоке разнокачественной поэтической продукции 2000-х гг. не стал особенным событием (как, к примеру, в целом остались незамеченными – вновь судим по количеству литературно-критических отзывов и научно-филологических рефлексий – по своему замечательные лирические книги А. А. Долина, род. в 1949 г., российского японоведа и переводчика, см.: [4]). Однако он интересен, с одной стороны, тем, что составлен писателем-прозаиком (когда прозаик обращается к противоположному роду художественности, это вызывает любопытство: так, мы – подчас с удивлением – узнаем, что Ф. М. Достоевский писал стихи, М. Е. Салтыков-Щедрин увлекался стихотворчеством, Л. Н. Толстой сочинял ритмизованные произведения), а с другой – тем, что в нем использовался верлибр (возможно, по этой причине сборник и не вошел в орбиту читательского внимания: свободный стих, в подражание западным формам поэзии, занял прочное место в русской художественной системе, потеснив чеканный размер с рифмовкой – наследие советской традиции), ср., например, стихотворение «Воспоминание об Аральском море», в котором присутствует образ О. Хайяма [3, с. 8].

которой заметно влияние народного стиля Л. Н. Толстого). С 1974 г. Варжапетян – член Союза журналистов СССР; с 1986 г. – член Союза писателей СССР; с 2009 г. – член ПЕН-центра.

«Запах шиповника» – первый роман трилогии Варжапетяна, написанный в период с 1974 по 1978 г. Произведение это долго не печаталось, несмотря на положительные отзывы рецензентов, среди которых была М. О. Чудакова (1937–2021)⁸. Публикации помог случай. Автор пришел в издательство «Советский писатель» с рукописью о Хайяме и Вийоне. Ему отказали, однако он, человек с характером, настоял на том, чтобы его произведения остались в редакционной папке. Неожиданно в издательстве начались проверки, в ходе которых обнаружили правонарушения (составлялись договоры на ненаписанные сочинения). Попавшего в опалу заведующего отстранили, была сформирована новая редколлегия, которая, найдя готовую рукопись, отдала ее на очередное рецензирование. Один отзыв оказался «хвалебным», другой – «разгромным», третий – «хорошим», он и поставил точку в мытарствах Варжапетяна, дав добро на публикацию, вышедшую 100-тысячным тиражом и быстро распроданную. После успеха Варжапетяна приняли в Союз писателей СССР, и он мог заниматься творчеством, рассчитывая на оперативное издание своих трудов [2].

«Запах шиповника» начинается с путевой интриги, смысл которой раскрывается в финале. Некий старик, учивший в медресе Хайяма, идет в Нишапур, родной город персидского философа. По дороге около обугленной шелковицы он обнаруживает брошенного младенца, неистово плачущего ребенка-грудничка («*пищал, как птенец*» [9, с. 94]). Старик из жалости кормит его пережеванными во рту, скатанными в шарик листьями подорожника, однако стрела внезапно появившихся всадников убивает «учителя Хайяма», вонзившись ему в спину. Мальчик-сирота был забран служащим шахской администрации, а позднее продан в рабство. Брезгливо прозванный «Аффаном» («Тухлой Рыбой»), он затем, пройдя испытания (голод, холод, окрики, побои, труд невоготу), станет учеником Хайяма. Этот вымышленный композиционно замкнутый эпизод понадобился автору для того, чтобы передать атмосферу жизни средневекового Ирана: вопре-

⁸ Сам Варжапетян описывал свое положение следующим образом: «Приходишь в толстый журнал <в редакцию. – Р. Б.>, первый вопрос: „Вы член Союза писателей?“ – „Нет“ – „А Вам надо быть членом Союза писателей...“. Приходишь в издательство, они <сотрудники. – Р. Б.> тоже говорят: „А Вы член Союза писателей? Заколдованный круг“» [2].

ки расхожему мнению, возникшему за счет эффекта «аберрации», наука, культурная среда являлись тогда роскошью; эпоха характеризовалась иными принципами повседневного существования – жестокостью, морализаторством толпы с ее заскорузлыми стереотипами, и лишь случай, основанный на чувстве милосердия, способен был побороть инерцию разлитого в мире зла (Аффана из рабства выкупил цеховой переписчик Ибн Маджид, подарив ему свободу, дабы тот не превратился в «отупевшее животное» [Там же, с. 169]). Спасительность случая-чуда – в этом заключается концепция жизни, согласно Варжапетяну.

Как главный персонаж Хайям впервые появляется в главе «Северный ветер»⁹. Развернутого портрета героя мы в тексте не найдем; в описании Хайяма автор лаконичен, в первом приближении сказано, что, выезжая из Нишапура и отправляясь в Балх с караваном, «Хайям плотнее запахнул халат из верблюжьей шерсти» [Там же, с. 96]. Этот ход не случаен: Варжапетян создает не «каменное изваяние», а яркую «фигуративность»: его Хайям – человек движения, неутомимой страсти. Он – не оторванный от земных дел ученый, а открытая миру личность, которой не чужда стихия грубого народного смеха (верному ученику ал-Исфазари он рассказывает историю, связанную с халифом Муавией, который славился кротостью характера: к тому однажды во дворец пришел молодой человек, бродяга в грязной, изношенной одежде, и заявил, что хотел бы жениться на его овдовевшей матери, поскольку она, как якобы гласила молва, обладала «большим задом», «я же, – подчеркнул он, – люблю большой зад» [Там же, с. 97]¹⁰; показательна

глава «Балаганщик», в которой рассказано, как Хайям с интересом наблюдает за импровизированным кукольным театром на городской площади и становится свидетелем его разгона за мнимое богохульство со стороны власти имущих – «хранителей эмирских туфель» [Там же, с. 115]). Возникает на первых страницах и тема вина – в реалистическом ключе, как способ согреться после поездки в заснеженный день ([Там же, с. 101]); в дальнейшем она смыкается с потребностью Хайяма быть счастливым ([Там же, с. 115]). Но принципиальнее иное: Варжапетян обращает внимание на соположенность в мировоззрении Хайяма веры и науки. В советское время взгляды Хайяма трактовались различно; среди толкований если не превалировала, то была заметна позиция, ориентированная на выстраданный «атеизм» Хайяма. У Варжапетяна же Хайям – знаток науки и Корана. Так, ал-Исфазари он объясняет: «Если ты стал часто обращаться к Корану, чем к трудам Евклида и ал-Хорезми, тебе непростительно не знать, что терпение Создателя безгранично...» [Там же, с. 97]. Более того, Хайям молится, его пятикратный намаз – часть ежедневной жизни ([Там же, с. 100, 121, 168]). Хайям вспоминает хадж в Мекку, посещение Каабы, встречу с камнем, вмурованным в ее восточный угол, – для поэта это символ реальности, которая расположена по ту сторону земных связей [Там же, с. 137, 148]. Ощущая приближение смерти, Хайям в одиночестве припадает к земле, касается губами травы и, прочитывая суру «ал-Фатиха», просит прощения у Всевышнего с утверждением (в суфийском духе) о том, что «мое знание о Тебе <знание, почерпнутое через постижение тайн мироздания. – Р. Б.> – мой путь к Тебе...» [Там же, с. 168]. Вместе с тем это не мешает Хайяму считать молитву – видом рутины, которая отвлекает от главного труда. Одним из радостных событий его жизни были ночные бдения в Исфahanской обсерватории. «А днем досаждали люди, суета, молитвы...» [Там же, с. 148].

Можно заметить еще одну черту Хайяма в авторском изложении. Речь героя соединяет повседневное с высоким. Хайям может переходить от одной темы к другой – без искусственных склеек и смещений. Вопросы бытовой жизни занимают Хайяма в равной мере с вопросами о том, сколько весит снежинка и каков ее объем ([Там же, с. 99]). В этом амбивалентном сочленении заложена мысль о жизни как игре, в которой все взаимообусловлено; в параметрах евро-

⁹ Первая глава упоминает его сторонним образом, подобно тому как о Печорине читатель лермонтовского романа узнает вначале со слов штабс-капитана Максима Максимыча, в зеркале чужого восприятия, в кругозоре другого мнения.

¹⁰ Исторический Муавия, если, конечно, под ним понимается Муавия ибн Абу Суфьян (593–680), основоположник Омейядской династии, описывался в арабоязычных источниках, скорее, как носитель формального благочестия, в качестве умелого политика. По-видимому, правильнее было бы говорить не о его кротости, а о его терпеливости, благоразумии, мягкости; он действовал не силой, а уговорами. Источники выделяют в его чертах малый рост, крепкое телосложение, короткие ноги, большую голову и глаза, которыми он пристально смотрел, приводя собеседника в замешательство. Он был добродушен и искренен; когда кто-то из приближенных шутил, желая развеселить халифа, он весело, без задней мысли смеялся. В этой перспективе тот факт, что молодой человек в ро-

мане Варжапетяна после оскорбительных слов не был наказан, представляется достоверным.

пейской культуры перед нами «моцартовско-пушкинский» взгляд, нацеленный на приятие бытия и противопоставленный «сальеризму», бесплодному умствованию. Речь Хайяма не цветиста, она проста, изобилует афоризмами ([Там же, с. 107, 135]).

Варжапетян, таким образом, демонстрирует нам живого Хайяма, который выше всего ценит профессионализм («когда мне нужен кувшин, – говорит он гончару Муроду-Али, – я иду к тебе» [Там же, с. 119]). Воссоздавая живое начало, не обходит стороной автор любовный сюжет. Он включает два измерения: душевное (будучи одиноким, Хайям хотел бы разделить наступающую старость с юной женой-возлюбленной) и эротическое. Последнее воплощается через детали-намёки. Так, когда герой определился с выбором (им стала Зейнаб, дочь Мурода-Али¹¹), Варжапетян вводит контексты: указание на месяц «михр», «когда орехи... стучат по крышам, спугивая котов» [9, с. 123]; упоминание 2-ой суры Корана («Задув светильник, он <Хайям. – Р. Б.> приходил к Зейнаб – развязать пояс ее шальвар, ведь сказано в Коране: „Женщина вам пашия, пашите ее как угодно“» [9, с. 124]); описание пятки Зейнаб [9, с. 123]. Любовь в интерпретации Варжапетяна – сила оптимистическая, облагораживающая, возвышающая. Тем трагичнее выглядит судьба Хайяма: Зейнаб умирает во время родов, с ней умирает рожденный ею младенец – ребенок Хайяма. Для него это, с одной стороны, повод воспринимать счастье как иллюзию¹², с другой – Хайям пробует найти объяснение своей судьбе в том, что наука и поэзия, которой он посвятил жизнь, нужны людям. Да, рассуждает герой, мир, в который мы заброшены, напоминает кукольный театр; он похож на гончарный круг, вращающийся без остановки; поэзия и наука должны внести осмысленность в происходящее; его, Хайяма, заслуга перед обществом состоит в умении раскрыть тайны мира, его загадки. Тем не менее Хайям колеблется, «мир, – уверяет он, – не стал богаче с твоим приходом и не обеднеет, когда ты уйдешь» [Там же, с. 164]. Люди не мудры, они живут дразгами, взаимопонимание – редкость. Кроме того, Хайям подмечает невозможность осуществить социальную гармонию: благородная идея в

процессе воплощения претерпевает искажение, меняется. Мысль эта конкретизируется образом Хасана ибн Саббаха, который ради достижения цели обустройства общины на началах исмаилитской философии прибегал к репрессиям, переходил кровавую черту¹³.

Сочинение Варжапетяна называют повестью. Это не совсем точно. Отличие повести от романа не в объеме написанного, а в характере сюжета. В повести он строится хронологически, линейно; в романе используются композиционные инверсии. Перед нами упорядоченная «мозаика», назначение которой – показать судьбу гениального человека, драму его жизни и идей. Хайям вписан в историческое время, сквозь призму которого проглядывает универсальный архетип. Прав был Б. Ш. Окуджава, аттестовавший «Запах шиповника» в качестве «романа-притчи» [Там же, с. 7]. Символизм заложен в названии текста. Шиповник, по версии Варжапетяна, любимое растение Хайяма. Оно целительно; с ним также связывается победа ароматного запаха над запахами остальных цветов в восточном саду; его благоухание длится дольше, даже если цветок засох и пролежал нечаянно закладкой в рукописной книге [Там же, с. 149]. Запах шиповника – запах благоденствия. Когда он пропадает – уходит жизнь с ее раздумьями о прожитом. Нельзя сказать, что роман пессимистичен: у Хайяма остался ученик, которому суждено пройти «путь от терний к звездам». Как сам Варжапетян в отзыве о романе М. Д. Симашко, посвященном жизни Хайяма, подчеркнул, что его герой попал в безысходную ситуацию, которая все же не предполагает полной беспомощности, окончательной катастрофы [10, с. 260], так и мы можем сказать: «Безысходность, но не бессилие!».

Роман проникнут духом персидского Востока. Не в последнюю очередь ориентальный эффект создается лексикой, она определяет специфику авторского стиля, ориентированного на «восточный слог». Представление о восточных лексемах можно получить из составленного нами «Словаря» (см. приложение).

Роман Варжапетяна о Хайяме, как и всю трилогию о писателях Востока и Запада, предстоит изучить; тема, естественно, далеко не закрыта. Среди перспектив – обращение к архивно-издательским материалам: так, надо познако-

¹¹ Вызывает, правда, сомнения, что Зейнаб на правах супруги могла оказаться в доме Хайяма тайно, без процедуры бракосочетания, через обычную устную договоренность жениха с отцом невесты...

¹² Человек в оптике древней и средневековой идеологии – звено в цепи многочисленных поколений, лист на кроне дерева, и Хайяму, бесспорно, жаждалось продлить себя в детях.

¹³ Изображая секретную встречу Хайяма с лидером еретической секты в главе «Дорога в Тус», Варжапетян придерживается мнения, что они вместе учились в медресе, дав обещание по его завершении помогать друг другу. Историки все же склоняются к тому, что это – легенда, она не соответствует действительности.

миться с первыми рецензиями на произведения автора и соотнести их между собой.

Приложение.

Словарь восточных лексических единиц
(на материале романа В.В. Варжапетяна
«Запах шиповника»)

1) «Аллах», 2) «Коран», 3) «Кааба», 4) «сура», 5) «айят», 6) «намаз», 7) «мечеть», 8) «минарет», 9) «мудзин», 10) «шейх», 11) «имам», 12) «чалма», 13) «медресе», 14) «мактаб», 15) «хаджи», 16) «дервиш», 17) «суфий», 18) «мусульмане», 19) «ихрам» (кусоч белой материи), 20) «шах», 21) «султан», 22) «визирь», 23) «эмир», 24) «кади» (судья), 25) «факир» (аскет), 26) «фарраш» (слуга), 27) «тюбетейка», 28) «тюрбан», 29) «паранджа», 30) «тайласан» (накидка), 31) «джубба» (верхняя одежда), 32) «халат», 33) «шальвары», 34) «касаб» (вид ткани), 35) «кумган», 36) «афтобе» (кувшин), 37) «шахматы», 38) «алгебра», 39) «калам», 40) «караван», 41) «караван-баш», 42) «караван-сарай», 43) «шахристан» (центр города), 44) «базар», 45) «майdan», 46) «арык», 47) «айван» (веранда), 48) «чайхана», 49) «чайханщик», 50) «майхана» (питейный дом), 51) «шатер», 52) «суфа» (скамья), 53) «ковер», 54) «чай», 55) «пиала», 56) «дастархан», 57) «плов», 58) «изюм», 59) «кебаб» (блюдо из мяса), 60) «халва», 61) «финики», 62) «шербет», 63) «шурпа», 64) «арбуз», 65) «хурма», 66) «рейхан» (базилик), 67) «масгуф» (рыбное блюдо), 68) «фарсанг» (мера длины), 69) «дирхем», 70) «динары», 71) «кират» (мера веса), 72) «бахча», 73) «дарья» (река), 74) «жасмин», 75) «рубай», 76) «касыда», 77) «рубаб» (музыкальный инструмент), 78) «шахривар» и 79) «михр» (месяцы иранского календаря), 80) «гашиш», 81) «мухаррам» (месяц лунного календаря), 82) «ана-ша», 83) «кайф», 84) «шакал».

Список источников

1. Варжапетян В. Мои художники. Истории о больших мастерах и живой воде // Независимая газета. 14.12.2023 г. URL: https://www.ng.ru/style/2023-12-14/8_8903_style.html?ysclid=Iwhlbl9wxe325449457 (дата обращения: 10.05.2024).
2. Деревянкин Ф. Четыре сна Вардвана Варжапетяна. URL: <https://sreda.v-a-c.org/ru/read-17> (дата обращения: 10.05.2024).
3. Варжапетян В. В. Поле: стихи. М.: Союз писателей Москвы, 2014. 32 с.
4. Долин А. А. Сутра гор и вод: избранные стихотворения. СПб.: Гиперион, 2014. 336 с.
5. Хайям О. Рубай / пер. В. Варжапетяна. М.: Полина, 1998. 288 с.
6. Варжапетян В. Сад цветущих букв: рассказ о том, как Месроп Маштоц создал армянский алфавит, а народ сберег его. М.: Малыш, 1991. 40 с.

7. Варжапетян В. Жизнь Найденова: рассказ // Знамя. 2022. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/2/zhizn-najdenova.html> (дата обращения: 12.05.2024).
8. Варжапетян В. Книга сказок // Знамя. 2012. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/7/kniga-skazok.html> (дата обращения: 12.05.2024).
9. Варжапетян В. В. Путник со свечей. М.: Книга, 1987. 304 с.
10. Варжапетян В. Восхождение к Хайяму // Дружба народов. 1980. № 8. С. 258–260.

References

1. Varzhapet'an, V. *Moi khudozhniki. Istoriy o bol'shikh masterakh i zhivoi vode* [My Artists. Stories about Great Masters and Living Water]. *Nezavisimaya gazeta*. 14.12.2023. URL: https://www.ng.ru/style/2023-12-14/8_8903_style.html?ysclid=Iwhlbl9wxe325449457 (accessed: 10.05.2024). (In Russian)
2. Derev'anin, F. *Chetyre sna Vardvana Varzhapet'ana* [Vardvan Varzhapetyan's Four Dreams]. URL: <https://sreda.v-a-c.org/ru/read-17> (accessed: 10.05.2024). (In Russian)
3. Varzhapet'an, V. V. (2014). *Pole: stikhi* [A Field: Poems]. 32 p. Moscow, Soyuz pisetelei Moskvyy. (In Russian)
4. Dolin, A. A. (2014). *Sutra gor i vod: izbrannyje stikhotvoreniya* [The Sutra of Mountains and Waters: Selected Poems]. 336 p. St. Petersburg, Giperion. (In Russian)
5. Khayam, O. (1998). *Rubai* [Rubai]. *Perevod V. Varzhapet'ana*. 288 p. Moscow, Polina. (In Russian)
6. Varzhapet'an, V. (1991). *Sad tsvetuskhikh bukv: rasskaz o tom, kak Mesrop Mashtots sozdal armya'nskiy alfavit, a narod sber'og ego* [The Garden of Blooming Letters: The Story of How Mesrop Mashtots Created the Armenian Alphabet, and the People Saved It]. 40 p. Moscow, Malyshe. (In Russian)
7. Varzhapet'an, V. (2022). *Zhizn' Naidenova: rasskaz* [Naydenov's Life: A Story]. *Znamya*. No. 12. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/2/zhizn-najdenova.html> (accessed: 12.05.2024). (In Russian)
8. Varzhapet'an, V. (2012). *Kniga skazok* [The Book of Fairy Tales]. *Znamya*. No. 7. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/7/kniga-skazok.html> (accessed: 12.05.2024). (In Russian)
9. Varzhapet'an, V. V. (1987). *Putnik so svechoi* [The Traveler with a Candle]. 304 p. Moscow, Kniga. (In Russian)
10. Varzhapet'an, V. (1980). *Voskhozhdeniye k Khayamu* [The Ascent to Khayyam]. *Druzhba narodov*. No. 8, pp. 258–260. (In Russian)

The article was submitted on 25.06.2024
Поступила в редакцию 25.06.2024

Бекметов Ринат Ферганович,
доктор филологических наук,
профессор,
руководитель Центра по изучению наследия
Льва Толстого,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Head of Leo Tolstoy's Heritage Studies Center,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru